

Научная статья
УДК 115.

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-118>

СУЩЕСТВОВАНИЕ В НАСТОЯЩЕМ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Д. А. Щербаков

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

e-mail: am720@ya.ru

Аннотация. Целью статьи является выработка онтологического понимания и истолкования существования объектов реального мира в модусе настоящего времени, определение сущности, свойств и онтологического статуса Настоящего. Автор выявляет и анализирует противоречия в различных подходах к пониманию бытия и реальности в Настоящем. Суть проблемы в противоречии представления о бездлительности момента настоящего времени, порождающего его отрицание («Настоящего нет») и процессуального представления бытия, представления о длительности процессов, движении, идущем, как принято думать, в Настоящем. Исследование ведётся преимущественно в рамках реалистической онтологии, признающей подлинность бытия реальных материальных вещей и социальных объектов как единичных целостностей. Используется так же феноменологический подход, позволяющий выявить формы и способы первичной дорефлексивной данности реальности Настоящего человеческому сознанию. Методами исследования при этом выступают репрезентация, сравнение, онтологический анализ, интерпретация и реинтерпретация различных трактовок Настоящего и времени в целом. В статье представлены различные трактовки сущности Настоящего. Выявлены и показаны теоретические противоречия концепции бездлительного Настоящего, представляемого как одно состояние сущего и её несоответствие реальности. Дается аргументация невозможности осознать бытие вещей и мира в целом на основе представления о бездлительном Настоящем. Автор обосновывает мысль о существовании Прошлого в Настоящем на основе синтеза различных трактовок взаимопроникновения реальности этих временных модусов. Дилемма соотношения конкурирующих представлений о бездлительности Настоящего и происходящем в нём движении решается положением о том, что в Настоящем продолжается (длится) не то или иное состояние мира, а сам процесс смены этих состояний, который «двигает» Настоящее на самое последнее место в непространственной темпоральной очерёдности сменяющих друг друга состояний. Научная новизна в решении поставленной проблемы проявляется в обосновании модификации представления о бытии в Настоящем в рамках динамической концепции времени положением о различных формах и способах существования Прошлого в Настоящем. Автор делает вывод о возможности и необходимости такого синтеза.

Ключевые слова: модусы времени, Настоящее, прошлая реальность, онтология, бытие, Прошлое в Настоящем.

Для цитирования: Щербаков Д. А. Существование в настоящем как онтологическая проблема // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 2. – С. 118–130. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-118>.

Original article

EXISTENCE IN THE PRESENT AS AN ONTOLOGICAL PROBLEM

D. A. Shcherbakov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

e-mail: am720@ya.ru

Abstract. The purpose of the article is to develop an ontological understanding and interpretation of the existence of real world objects in the present mode, to determine the essence, properties and ontological status of the Present. The author identifies and analyzes contradictions in various approaches to understanding being and reality in the present. The essence of the problem is the contradiction of the idea of the inactivity of the moment of the present time, which gives rise to its denial («there is no present») and the procedural representation of being, the idea of the duration of the processes, the course of the movement, which, as it is customary to think, in the present. The study is conducted mainly

within the framework of realistic ontology, which recognizes the authenticity of the existence of real material things and social objects as single integrations. A phenomenological approach is also used to identify the forms and methods of the primary pre-reflexive given reality of the Present to human consciousness. At the same time, the methods of research are representation, comparison, ontological analysis, interpretation and reinterpretation of various interpretations of the Present and time as a whole. The article presents various interpretations of the essence of the Present. The theoretical contradictions of the concept of the idle Present, presented as one state of existence and its inconsistency with reality, are revealed and shown. The argument is given to the impossibility of realizing the existence of things and the world as a whole on the basis of the idea of the idle Present. The author justifies the idea of the existence of the Past in the present on the basis of a synthesis of various interpretations of the interpenetration of the reality of these temporary modes. The dilemma of the ratio of competing ideas about the inactivity of the Present and the movement taking place in it is solved by the provision that in the Present not a particular state of the world continues (lasts), but the process of changing these states itself, which «moves» the Present to the last place in the non-spatial temporal order of successive states. Scientific novelty in solving the problem is manifested in justifying the modification of the idea of being in the Present within the framework of the dynamic concept of time by the provision on various forms and methods of the existence of the Past in the Present. The author concludes that such synthesis is possible and necessary.

Key words: *modes of time, Present, past reality, ontology, being, Past in Present.*

Cite as: Shcherbakov, D. A. (2024) [Existence in the present as an ontological problem]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 118–130. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-118>.

Введение

Постижение феномена времени в контексте более общей и фундаментальной проблемы Реальности является актуальной насущной задачей науки и философии. Актуальность работы обусловлена отсутствием в научном и философском сообществе ясного понимания сущности времени, соотношения его модусов и адекватного представления существования объектов в момент настоящего времени. В самой проблеме времени особый интерес представляет вопрос о сущности, природе и способах адекватного представления Настоящего. По мнению специально занимавшихся этой темой учёных и философов, Настоящее – это, пожалуй, самый трудный для осознания аспект и модус времени. Так, Дж. Уитроу в завершении своего знаменитого труда писал, что «становится всё более и более очевидным, однако, что из традиционных подразделений времени настоящее является наиболее сложным» [20, с. 399]. Помимо онтологических сложностей, причина трудности понимания Настоящего «в отсутствии приемлемых языковых средств для прояснения природы настоящего» [18, с. 115]. При этом, теоретическая значимость этой «самой трудной темы» в проблеме времени такова, что без должного её осмысления мы не можем отличать реальное от нереального, бытие от небытия и вообще построить реалистическую онтологию. Актуальность темы вызвана так же тем, что нам важно знать, что такое Настоящее по своей сути и каково оно, для того чтобы понять, как жить в нём, что нам надо делать, чтобы действовать адекватно реальности, если уж именно Настоящее считается реальностью. Не заметить и не осознать Настоящее – значит упустить раскрываемые им возможности. Важно так же осознавать, что

наше сегодняшнее Настоящее – это наше завтрашнее Прошлое. Если в Прошлом ничего изменить уже нельзя, а Прошлое «делается» только в Настоящем, то мне безразлично, чему я даю вечность. Поэтому мы с необходимостью должны рассмотреть вопрос о существовании в Настоящем и прояснить эту онтологическую проблему.

Суть этой проблемы в противоречии представления о бездлительности момента настоящего времени, порождающего его отрицание («Настоящего нет»), и процессуального представления бытия, представления о длительности процессов, длящемся движении, идущем, как принято думать, в Настоящем.

Целью данной работы является выработка онтологического понимания и истолкования существования объектов реального мира в модусе настоящего времени, определение сущности, свойств и онтологического статуса Настоящего. Исследование ведётся преимущественно в рамках реалистической онтологии, признающей подлинность бытия реальных материальных вещей и социальных объектов как единичных целостностей. Используется так же феноменологический подход, позволяющий выявить формы и способы первичной дорефлексивной данности реальности Настоящего человеческому сознанию. Методами исследования при этом выступают репрезентация, сравнение, онтологический анализ, интерпретация и реинтерпретация различных трактовок Настоящего и времени в целом, синтез адекватного образа Настоящего.

Репрезентация и критика концепции бездлительного Настоящего

Размышляя о существовании в Настоящем, мы пытаемся разрешить противоречие, одна сторона которо-

го – это мысль о том, что «всё, что существует – существует в Настоящем», и, стало быть, именно Настоящее объявляется подлинной реальностью, а с другой стороны утверждается, что Настоящего совсем нет, оно не продолжается, реальность «не умещается» в бездлительном Настоящем, а, посему, Настоящее – чистое Ничто.

Вникнем в суть того и другого мнения и проанализируем их основания. И. А. Хасанов отмечает, что «начиная с Парменида и Аристотеля, широкое распространение имеет мнение, что настоящее время – это отделяющее прошлое от будущего бездлительное мгновение» [22, с. 187–188]. Классическая аргументация этого положения содержится в одиннадцатой книге «Исповеди» Августина Блаженного. Августин убедительно показал, что представление о продолжающемся Настоящем ложно. Настоящее, предполагаемое как некоторый промежуток времени – суть ложное представление, ибо любой текущий отрезок времени, будь то столетие, год, месяц, день, час и т. д. распадается на Прошлое и Будущее и поэтому весь он в целом не может быть Настоящим. Так, если Настоящее – это «сегодня», то ясно, что день слагается из часов, одни из которых сегодня уже прошли, а другие – ещё в будущем. Если мы сужаем Настоящее до «сейчас», то в сём текущем часу одни минуты уже в Прошлом, другие – в Будущем. Так мы обнаруживаем, что «настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нём нет. Если бы он длился, в нём можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается» [1, с. 296]. Таким образом, термин «бездлительный» используется нами в понимании момента настоящего времени как его классическая характеристика, осознанная и обоснованная ещё в античности. Однако, используя эту классическую характеристику Настоящего, не стоит спешить безусловно принимать её за истинную, поскольку осознание реальности, взятой в модусе Настоящего, в таком случае вынуждает нас принять мысль об отсутствии всякого движения, всякого изменения в момент Настоящего и реальность Настоящего представляется или как замерший остановившийся мир, или как некий разрыв реального, как Ничто. Но мысль об остановке движения противоречит пониманию движения как способа существования материи, и раз движения нет, то нет и существования, а, значит, и реальности.

Подобно тому, как математическое мышление делит свой идеальный объект – геометрический отрезок АВ на бесконечное количество сколь угодно малых частей, размеры которых могут «стремить-

ся к нулю», но всё же с ним не совпадать, мы мысленно делим любой промежуток времени, текущего между двумя событиями, выступающими в роли его границ, на бесконечно малые части, которые, как и атомы, совсем «необязательно чувствовать». «Представление о бездлительности настоящего времени заставляло многих мыслителей отказываться материальному миру в истинном бытии» [22, с. 188]. Настоящее при этом может интерпретироваться как умопостигаемый идеальный объект, не существующий реально. В качестве примера можно сослаться на слова Л. В. Логуновой, которая в статье «Онтологический статус прошлого» пишет, что «настоящее можно выразить логически, <...> настоящее существует как идеальный объект» [10, с. 281]. На этом основании настоящему отказывается в онтологическом статусе (видимо с позиции материалистического мировоззрения) и приписывается только гносеологический статус. Далее делается вывод, что «настоящего на самом деле нет» [10, с. 282]. Думается, что о таком понимании упоминает Сартр: «что же касается настоящего момента, то каждый хорошо знает, что его совсем нет, он является границей бесконечного деления, как безразмерная точка» [17, с. 201].

Соглашаясь с этим, мы «потеряли» Реальность. Такой способ смотреть (на самом деле – думать) делает её невидимой. Делить состояния реального мира на бесконечно стремящиеся к нулю отрезки – стремящиеся, как принято думать «в дурную бесконечность» нам мешает здравая интуиция, убеждающая нас, что «у любого дискретного фрагмента исторического времени имеется сущностно-событийное содержание» [19, с. 72]. Реальность своим необозримо богатым содержанием «не умещается» в бездлительном, «почти нулевом» «Настоящем». Математически мы можем делить любой отрезок времени так, что его части будут «стремиться к нулю», но упрямая Реальность материального мира, в попытке делить её на бесконечно малые части, представляется сингулярностью, в которой теряются все характеристики реального, сама же возможность бесконечного «деления реального» с античных времён является предметом фундаментального и до сих пор неразрешимого спора сторонников атомизма и континуализма. Подобно спорности возможности бесконечного деления материи, спорно и непредставимо бесконечное деление материального процесса, а вместе с ним, времени, на части. Метод бесконечного мысленного деления физических процессов и времени на части заводит исследование сути Настоящего в тупик. Альтернативные концепции континуальности времени и реальности могут представляться более продуктивными.

Понимание Настоящего в континуалистских концепциях времени

В концепции времени Анри Бергсона время предстаёт неделимым и непрерывным – оно не состоит из отдельных мгновений. Это означает, что и Настоящее, операционально называемое моментом, на самом деле не оторвано от прошлого, а образует с ним единую реальную длительность [4, с. 313–314].

В феноменологии Гуссерля время рассматривается как континуум, но Гуссерль делает предмет своего анализа не время само по себе и, соответственно, не Настоящее само по себе, а опыт времени, то, что он называет «феноменологическим временем», поэтому такая трактовка недостаточно коррелирует с проблемным полем данного исследования. Гуссерль работает с «феноменологическим временем – единой формой всех переживаний в одном потоке переживания (в потоке переживания одного чистого Я)» [5, с. 253], которое он противопоставляет «объективному, космическому времени». Переживание действительности необходимо длится и «вместе с длительностью входит в бесконечный континуум длительностей – и заполненный континуум» [5, с. 255]. В этой концепции «любое актуальное «теперь» сдвигается» [5, с. 256]. Этот «сдвиг» «теперь», на наш взгляд, позволяет объяснить, почему мы осознаём временной поток не как череду сменяющихся друг друга отдельных «Настоящих», а как пребывание в одном едином Настоящем, которое само сдвигается природными, социальными и психическими процессами. И при этом, представляя время как континуум, Гуссерль настаивает, что «актуальное теперь необходимо есть нечто точечное и остаётся таковым – устойчиво пребывающей формой вечно новой материи» [5, с. 256]. Такая характеристика «теперь», будучи перенесённая в истолкование Настоящего, близка к нашему пониманию Настоящего как постоянно сдвигаемой точки, всегда находящейся на самом острие стрелы времени.

Если же представлять поток времени посредством пространственных образов как череду отдельных и сменяющихся друг друга моментов Настоящего, как бы «вынырывающих» из Будущего и сразу проваливающихся в Прошлое, что нами отвергается, то так понимаемое Настоящее превращается в бездлительное мгновение – границу бесконечного деления. Важно отметить, что сам Аврелий Августин, приводя своё доказательство бездлительности момента настоящего времени и имея религиозное, а, значит, идеалистическое мировоззрение, вовсе не отказывает материальному миру в существовании, а наоборот, считает, что Настоящее есть. Более того, оно для него есть нечто воспринимаемое чувствами, ибо он говорит, что «увидеть можно ведь только то, что

есть, а то, что есть – это уже не будущее, а настоящее» [1, с. 299]. Думается, что всякий, изучающий проблему времени, знает, что Августин в своём исследовании пришёл к субъективистской концепции времени, по которой существует только Настоящее, но существует оно, как и всё время вообще, только в нашей душе: «три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу» [1, с. 300]. Субъективная человеческая «вечность» Настоящего для Блаженного Августина имеет своим метафизическим основанием подлинную божественную Вечность, в которой нет «распадения бытия» на Прошлое, Настоящее и Будущее. Но мы в современном философском дискурсе не можем апеллировать к вере и пользоваться религиозными доводами. Наша задача – попытаться обнаружить Настоящее и Реальность в нём, оставаясь в рамках реалистической онтологии. Должен быть исследован парадокс материалистического мировоззрения, понимающего время как объективный феномен, как то, что существует вне и независимо от нашего сознания, как «форма существования материи», объявляющего Настоящее движением и становлением, и при этом соглашающегося с выводами о бездлительности Настоящего.

Репрезентация и критика концепций Настоящего как интервала, промежутка времени

Если первое, рассмотренное нами понимание Настоящего представляет его как бесконечно малый миг между прошлым и будущим, который не имеет длительности и тут же из будущего становится прошлым, то другое, не менее распространённое мнение о Настоящем определяет его как некоторый интервал – продолжающийся промежуток времени. Так, например, Ю. Б. Молчанов полагал, что ««момент настоящего времени» любой материальной системы есть промежуток времени, на протяжении которого система сохраняет свою качественную определённую» [13, с. 167]. Такая концепция Настоящего разделяется многими мыслителями и в наши дни. В одной из своих последних работ В. Н. Сыров и Е. В. Агафонова пишут, что «настоящее следует считать не неким мигмом между прошлым и будущим, а темпоральным простиранием, или подвижной структурой, включающей в себя части, которые уже хронологически прошли и ещё не наступили. Так, к примеру, период перестройки мы можем считать частью настоящего, хотя хронологически <...> он уже прошёл» [18, с. 115].

Зачастую, в триаде модусов времени вместо термина «Настоящее» используется термин «современность». Они, хотя и не являются синонимами, но в контексте противопоставления понятиям «прошлое» и «будущее» несут практически одно и то же

значение. Подобно мнению Ю. Б. Молчанова, в широко известной работе А. И. Ракитова читаем: «современность не может быть представлена точкой на оси времени, а представляет собой определённый, иногда довольно значительный, интервал, границы которого определяются механизмом социальной деятельности» [16, с. 285]. Подобным образом определяет современность и П. Н. Хмылев: «современность представляет собой определённый период времени, в котором текущая человеческая деятельность определяется сохраняющимися условиями» [23, с. 194]. Современность – это эпоха. Ограничимся здесь этими показательными цитатами из очень известных и влиятельных в проблемном поле нашей темы работ, достаточно чётко и однозначно демонстрирующими концепцию продолжающегося Настоящего, понимаемого как отрезок времени.

Раскрывая такую трактовку Настоящего, Ю. Б. Молчанов писал: ««настоящее время» большинства непосредственно наблюдаемых нами явлений охватывает значительные промежутки времени <...> Момент настоящего времени, скажем, пирамиды Хеопса, охватывает, по всей видимости, многие тысячелетия; для человека момент настоящего времени совпадает с его жизнью» [13, с. 167–168]. При этом философ считал, что понятие ««момент настоящего времени» нужно рассматривать как выражение объективного различия между прошлым и будущим состоянием объекта» [13, с. 167]. Представляется, что последняя мысль противоречит предыдущему утверждению о тысячелетнем Настоящем пирамиды Хеопса и пожизненным Настоящим человека. За тысячелетия своего существования пирамида, конечно, изменялась и человек в течение своей жизни сильно меняется, переживая бесчисленное количество разных состояний. Каждое очередное состояние меняющегося объекта на краткий миг бывает тем самым Настоящим, которое отличается и от предшествовавшего, т. е. прошлого его состояния и от будущего. Поэтому неверно весь срок существования объекта считать настоящим моментом его бытия. Такое рассуждение, пользующееся, казалось бы, верным и безупречным критерием определения Настоящего – мыслью о его отличии от прошлого и будущего состояния мира опять приводит нас к исходной парадоксальной мысли о бездлительности этого «краткого мига». Поэтому попробуем, как это предлагал Ю. Б. Молчанов, поработать с критерием качественного отличия состояний существующих во времени, т. е. изменчивых объектов, и считать Настоящее промежутком времени, на протяжении которого система сохраняет свою качественную определённость. И этот критерий тут же оказывается под сомнением. Во-первых, качественные изменения в одном

отношении оказываются количественными изменениями в другом отношении и наоборот. Например, качественные изменения на одном уровне существования материи и в одном масштабе существования системы представляются количественными изменениями на другом уровне и в более крупной целокупности вещей (в другом масштабе рассмотрения). Любые изменения создают череду отличающихся друг от друга состояний систем и их подсистем, и, значит, временную последовательность. Во-вторых, непонятно почему мы должны течение времени отмерять только качественными, а не количественными изменениями, когда ясно, что любое изменение, даже «простое» увеличение или уменьшение количества чего-либо в данном меняющемся существе происходит «во времени», занимает какое-то время и тоже порождает всё новые и новые состояния этого объекта, создающие очерёдность, порядок последовательности, который мы считаем временем, в котором эти состояния находятся в объективных временных отношениях «раньше / позже» и тоже выстраиваются в ряды Прошлого – Настоящее – Будущее. В третьих, новое качество создаётся накоплением именно количественных изменений и мы не можем не принимать их в расчёт в попытке отличия Настоящего от Прошлого и Будущего, то есть в определении Настоящего и его онтологических и временных «границ». В четвёртых, хотя и принято качественное скачкообразное изменение считать резким и относительно быстрым изменением, всё же вызревание и становление нового качества занимает некоторое время и содержит массив переходных состояний любого меняющегося объекта и всего мира в целом. Поэтому «сохранение качественной определённости», полагаемое как Настоящее, неизбежно содержит в себе части, переходные состояния, переходные формы, которые, конечно, располагаются во временном порядке следования друг за другом, а, значит, позволяют усматривать разделение такого «Настоящего» на свои Прошлые, Настоящие и Будущие. То есть мы опять приходим к убеждению Августина Блаженного, по которому Настоящим можно считать лишь то, что не содержит в себе частей, не может быть разделено на части, а, значит, не продолжается. В итоге концепция Настоящего как продолжающегося промежутка, интервала или отрезка времени представляется несостоятельной.

Попутно стоит отметить, что многочисленные работы, пользующиеся концепцией продолжающегося Настоящего (или современности), обнаруживают далёкую от какой бы то ни было онтологии конвенциональность и операциональность такого подхода, когда Настоящим или современностью «с лёгкостью» объявляется некоторый период истории, исходя из соображений удобства такого понимания или из субъек-

тивных психологических переживаний тех или иных явлений как настоящего положения дел и вещей. Условность и неточность так понимаемого Настоящего не представляется недостатком обыденного мышления и не мешает ориентироваться в происходящем в нашей повседневности. Про своё Настоящее человек говорит: «сейчас я в отпуске» или «теперь я – пенсионер», «мне сорок лет», «сейчас мы тренируемся», «идёт концерт, мы – на концерте», «в прошлом я жил в Москве, теперь я живу в Оренбурге, а в будущем я собираюсь перебраться во Владивосток». В качестве одного из примеров трактовки Настоящего как продолжающегося интервала между Прошлым и Будущим можно рассмотреть концепцию Г. Люббе.

Герман Люббе в книге «В ногу со временем: сокращённое пребывание в настоящем» рассматривает «настоящее как отрезок времени, отмеченный постоянством важных культурноисторических элементов» [11, с. 12]. «Размер», т. е. длительность такого отрезка определяется количеством и интенсивностью культурных инноваций. Согласно такому пониманию, в древние эпохи «Настоящее» первобытных людей длилось тысячелетиями, затем, в эпохи, более близкие к нашей современности, Настоящее как интервал всё более и более сокращалось и в наши дни мы живём в ситуации настолько «сокращённого Настоящего», что мы теряем собственную идентичность и укоренённость в традиции, а опыт, приобретённый нами ранее, скажем в детстве и юности, включая наше образование и компетенции, стремительно устаревает и становится всё менее и менее пригодным для планирования своего будущего и для суждения о том, на что стоит рассчитывать нам и нашим детям. Перманентная научно-техническая революция последних десятилетий и глобализация приводят к ускорению социальной динамики, быстрому «моральному устареванию» знаний, техники и технологий, способов социального взаимодействия и мы теперь постоянно переучиваемся и повышаем квалификацию, чтобы «не отстать и двигаться в ногу со временем». Как отмечает Герман Люббе, так понимаемое Настоящее сокращается, то есть «уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело» [11] и уменьшается количество лет в будущем, «по прошествии которых нам суждено попасть в жизненные отношения, существенно отличные от нынешних» [11]. Вполне соглашаясь с описанием ситуации ускорения и роста инноваций, мы не можем пользоваться концепцией сокращения Настоящего для онтологического понимания и определения его сущности и характеристик. Настоящее Германа Люббе – это психологическая и жизненно-практическая условность, а не Настоящее в точном смысле этого

слова, ибо в его «Настоящем» содержатся уже прожитые и ещё не прожитые дни и годы со всеми их событиями и состояниями реального мира. Мы видим, что немецкий философ рассуждает не о времени «самом по себе», а об изменении нашего восприятия времени, об опыте времени. Поэтому концепции Настоящего как интервала, отрезка, промежутка времени при всей их обыденной понятности не удовлетворяют онтологическое мышление и не раскрывают сущности и сущностных характеристик Настоящего, являясь скорее удобными, но во многом произвольными социологическими, психологическими, гносеологическими или обыденно-практическими соглашениями.

Попытки определить момент настоящего времени выявлением его границ, пределов сами по себе бесполезны без понимания его сущности и его качеств. Границы и свойства чего мы ищем? Что такое Настоящее? Чем оно является и чем оно не является?

Онтологические трудности определения сущности Настоящего

Наиболее, пожалуй, распространённое мнение таково: «настоящее есть движение» [10, с. 279]. «Настоящее является моментом «становления»» – пишет Уитроу [20, с. 378]. Авторы, предпочитающие понятие «современность», употребляемое в триаде «Прошлое, Современность, Будущее», а значит, в значении, максимально близком понятию «настоящее», так же считают, что «современность – это процесс, это жизненное движение <...> современность – это происходящее, момент непрерывного изменения, движения, <...> это момент бытия, который поддается сознательному изменению, – то, что поправимо, что «можно сделать лучше»» [14, с. 157–158, 160].

Концепция эмерджентного Настоящего, разрабатывавшаяся Джорджем Гербертом Мидом, который считал, что реальность существует в Настоящем – один из вариантов понимания Настоящего как становления, как того, что появляется как нечто новое по сравнению с тем, что уже было [12]. Как справедливо замечает Дж. Мид, отличие Настоящего от Прошлого и Будущего носит фундаментальный характер [24]. Настоящее есть то, в котором «что-то происходит» и это происходящее создаёт нечто новое [24]. Новое, ещё не бывшее ранее, принципиально отличает Настоящее от Прошлого и поэтому новизна может рассматриваться как одна из сущностных характеристик Настоящего. Новое является новым лишь краткий мимолётный миг. Новые состояния реальности, неважно в качественном либо в количественном отношении, возникают постоянно и так же непрерывно устаревают, сменяясь чем-то более новым, и поэтому в таком понимании Настоящего мы не вынуждены мыслить

его неким продолжающимся интервалом.

Итак, Настоящее, осознаваемое и переживаемое нами как момент «теперь» есть движение, изменение, становление, когда что-то перемещается и когда нечто сущее становится чем-то другим и перестаёт быть тем, чем являлось только что. Онтологическая трудность в понимании Настоящего как становления и движения заключается в противоречии атрибуции движения как того, что продолжается и признания несостоятельности концепции интервала.

Заметно, прежде всего, что именно такое определение сущности Настоящего не соответствует представлению о его бездлительности. Движение именно длится, продолжается, «тянется», «занимает какое-то время» и процесс как умозрительное целое всегда мыслится интервалом между некоторыми начальными и конечными пограничными состояниями реальности. Но упрямая интуиция твердит, что в ходе процесса изменения чего-либо есть части этого процесса уже пройденные – прошлые состояния этого объекта и части последующие – возможные будущие состояния этого сущего. Промежуток времени всегда распадается на части – на Прошлое, Настоящее и Будущее. Настоящее – это то, что не есть ни Прошлое, ни Будущее [24]. И другая, такая же упрямая интуиция при этом твердит, что Настоящее – это движение, ибо именно в движении или в созерцании (что тоже есть действие) мы застаём себя в момент «теперь». А Прошлом, которым Настоящее не является – это покой, в Прошлом ничего изменить нельзя. Меняются только наши знания и представления о нём.

Определяя Настоящее как изменение, как становление, мы впадаем в противоречие глубинных метафизических интуиций тождественности и инаковости. Среди современных авторов, глубоко исследующих сущность и природу времени, этот аспект проблемы вновь актуализирует и внимательно рассматривает Вадим Николаевич Зима. Философ отмечает, что само понятие времени «связано с глубинным конфликтом интуиций тождественности и инаковости» [7, с. 115]. Без одновременного использования этих интуиций невозможно темпоральное представление вещей» [25, с. 20]. Дело в том, что «само понятие изменения в вещах является внутренне противоречивым, поскольку наталкивается на необходимость представлять темпоральное бытие вещей как единство тождественности и инаковости» [7, с. 117]. Вещь, как единичная целостность мыслится и воспринимается в настоящий момент как нечто самождественное, как равное самой себе, ведь иначе она – не она. Но мы уверены, что в одном и том же отношении и «в одно и то же время быть и не быть нельзя» [3, с. 95]. Мысль о самождественно-

сти вещи заранее предполагает существование «некоторой чистой вневременной природы самой вещи в качестве условия сохранения её самождественности (длительности) и в качестве референта самой вещи, если мы хотим допустить объективное существование единичных вещей, то есть остаться на позиции философского реализма» [7, с. 117]. Наряду с этим мы так же понимаем, что вещь как единичная целостность, всегда являющаяся «сама собой», в своём бытии появляется и проявляется не сразу и «не вся», а постепенно в течение времени. В процессе становления вещь всегда уже иная и иная. Она в своём существовании разворачивается как цепь сменяющих друг друга состояний, постоянно становясь чем-то другим и переставая быть тем, чем, казалось бы, была только что – как горящая спичка или зарождающееся и растущее яблоко.

Таким образом, понятие вещи предполагает её самождественность, а понятие времени немислимо без изменчивости вещи. Длительность бытия вещи разворачивается как процесс становления, в котором сменяющие друг друга состояния этой вещи выстраиваются во временные отношения «раньше / позже». И если только одно состояние данной вещи, а именно самое последнее состояние в очерёдности их появления и исчезновения является Настоящим, а все остальные – Прошлым, то в таком, как бы замершем, остановившемся как на фотографии Настоящем движении не происходит. Получается, что Настоящее – не движение и не становление. Получается, что Настоящее – это статичное одно последнее состояние – «совместное стояние» элементов данной вещи. Мы видим, как такое рассуждение приводит к утверждению «Настоящее – это покой», что прямо противоречит широко разделяемому убеждению, интуитивно принимаемому нами как истинное, что «настоящее есть движение, прошлое – покой, по отношению к которому это движение возможно» [10, с. 279]. Но ведь принимая упрямый факт наличия изменений в мире, мы должны ответить на вопрос о том, когда же это движение идёт, и скорее мы согласимся, что оно точно не идёт ни в Прошлом, ни в Будущем и тогда нам опять остаётся, что оно происходит в Настоящем. Концепция бездлительного «отсека Настоящего», в котором мир как бы застыл в одном состоянии теоретически противоречиво и не соответствует реальности, в которой движение есть способ существования материи, и физика не знает таких замерших состояний. Концепция застывшего мгновенного и не продолжающегося Настоящего – это всего лишь некая идеальная абстракция, только мыслимая модель границы между Прошлым и Будущим, о которых легкомысленно поторопились сказать, что их нет.

Концепции «Прошлого в Настоящем»

Наоборот, и Прошлое и Будущее скорее всё-таки каким-то образом есть, причём существуют они не только в сознании. Представляется истинной мысль о том, что «прошлое, как реализовавшееся, как сумевшее достичь актуальности сущее «есть» даже в большей степени, чем сущее наличного момента современности, ещё становящееся сущее настоящего-будущего. Истина не окончившего своего становления сущего всегда скорее надежда, чем истина» [19, с. 84]. Действительно, события актуального Настоящего, вещи, отношения, социальные общности и институты, формируемые в этих событиях, пребывают в процессе становления – то есть непрерывно становятся чем-то другим и перестают быть тем, чем, казалось бы, были только что и поэтому они не располагают уже сформированной сущностью – они «по сути» – «ни то, ни сё». В момент начала Февральской революции в России никто не мог сказать, что происходит «Февральская революция», поскольку значение события как некоторой целостности начинает существовать только с завершением складывания этой целостности – событие должно хоть как-то быть отграничено от последующих процессов и дать свои плоды. События, текущие в Настоящем, не имея своей сформированной сущности, оказываются восприимчивыми к уже наличествующей сущности Прошлого. Сущее Настоящего нуждается в сложившемся наличном сущем Прошлого как в том, что развиваясь, продолжает существовать и переходит в модифицированном виде через Настоящее в Будущее [19, с. 79]. В неопределённости становления, в текущих исторических событиях ставшее Прошлого есть то иное в этом Настоящем, которое люди сознательно либо отбрасывают и уничтожают, либо сохраняют как нечто ценное и полезное, передавая в своё Будущее. Мы сами вольны что-то наследовать у Прошлого, а какие-то дурные традиции и привычки прекращать. Таким образом, некоторые компоненты прошлой реальности – сущностно определённые компоненты, которые «есть на данный момент», то есть существуют в Настоящем, мы в этом Настоящем осознаём, используем, сохраняем и передаём в Будущее, без чего наша жизнь была бы вовсе неопределённой. В аморфном и непонятно чем являющемся Настоящем мы можем опереться только на своё Прошлое и оттолкнуться только от своего Прошлого. Вектор исторического движения всегда определяется двумя сущими в реальности регионами – ориентирами. Идя в Будущее, мы идём не только «куда», но ещё и «откуда».

Исследуя вопрос о существовании Прошлого в Настоящем, следует так же принимать во внимание, что существует теория абсолютного пространства-

времени, которая «постулирует, что прошлое и будущее столь же объективно реальны, что и настоящее, т.е. они пребывают, существуют в бытии» [6, с. 29]. Известный сторонник такого понимания Александр Константинович Гуц утверждает, что «и Прошлое, и Настоящее, и Будущее всегда есть, всегда существуют, всегда наличествуют» [6, с. 31]. Рассмотрение сложной физико-математической аргументации этого тезиса не входит в задачи и возможности данной работы, но пусть само упоминание такой концепции дополнит и рельефнее обозначит проблемное поле вопроса о бытии сущего в трёх модусах времени. Здесь же обратимся к трактовке Настоящего как движения и становления, которая, на наш взгляд, содержит в себе представление о том, что Настоящее включает в себя Прошлое и Будущее. Как отмечает Дмитрий Аркадьевич Федчук, «в истинном настоящем все темпоральные модусы сведены в единство настоящего» [21, с. 81].

Анализируя состояние и проблемное поле современной темпоралистики, В. Н. Сыров и Е. В. Агафонов отмечают как общую тенденцию, как поворот в темпоральном сознании отказ от линейных концепций времени и переход к концепциям множественности времён, что ведёт к изменению представлений о границах Прошлого, Настоящего и Будущего, обосновывает мысль о подвижности и изменчивости этих границ и мысль о сохранении Прошлого в Настоящем [18]. Профессор Хельге Йордхайм, на основе анализа многочисленных работ по теории времени, утверждает, что «становится всё более очевидно – хотя, возможно, на разных уровнях абстракции, – что исторические события, действия и процессы не происходят в одном единственном времени [8, с. 99]. Согласно концепции множественности времён то, что является Настоящим в одной их временных линий, может оказаться либо Прошлым, либо Будущим в других, параллельных временных линиях. Такое понимание многократно усложняет проблему существования в Настоящем. То, что в одной временной линии событий уже прошло и «выпало из Настоящего», стало нерелевантным «вчерашним днём» для одних людей и в одной совокупности событий, вполне может оставаться Настоящим для других людей, живущих в других странах, в других пространственно-временных и социокультурных локусах реальности. И то же состояние может при этом оставаться для кого-то ещё Будущим. Так мы говорим, что кто-то старомоден, что-то уже несовременно и устарело – «ретро», которое используется в Настоящем. Я ношу несовременную одежду. Я читаю старые или даже древние книги. Я «безнадёжно отстал». Кто-то сейчас снова выбирает из сокровищницы общечеловеческого Прошлого

образцы, смыслы, феномены, вещи и неоконченные причинно-следственные цепочки и прямо сейчас начинает им следовать, их использовать и продолжать. Получается, что Прошлое сосуществует с Настоящим и его различные глубинные и поверхностные регионы снова и снова входят в Настоящее, транстемпорально транслируясь в Будущее.

Следует понять, что означает «сохранение Прошлого в Настоящем», в каких формах эта совместность существует и каким образом происходит. Воспользуемся для этого концепцией, по которой Настоящее есть становление. «Изменение – единство исчезающего, пребывающего и появляющегося, т. е. того, что мы называем прошлым, настоящим и будущим» [2, с. 121]. Такая формула, данная профессором Тамарой Антоновной Апинян, может считаться классическим выражением представления о синтезе временных модусов реальности. Это созвучно словам Аристотеля о существовании изменяющегося: «то, что утрачивает что-нибудь, имеет ещё что-то из утрачиваемого, и что-то из возникающего уже должно быть» [3, с. 111–112]. У Аристотеля неделимый момент «теперь» уподобляется точке на линии, которая одновременно и разделяет линию и связывает её. Момент «теперь» и разделяет Прошлое и Будущее и соединяет их, и это значит, что они сосуществуют в нём [4, с. 36]. П. П. Гайденок отмечает, что у Аристотеля Настоящее, называемое «теперь» есть «граница времени, которая осуществляет непрерывную связь между прошлым и будущим» [4, с. 37]. Итак, мы уже имеем одно обоснование сосуществования Прошлого и Будущего в Настоящем. Но заметно, что оно объясняет включённость в Настоящее не всего объёма прошлой и будущей реальности, а только как бы их «краёв».

Но есть и ещё одно понимание взаимопроникновения реальности трёх модусов времени. Для выражения этого общего для многих людей мнения воспользуемся словами Ларисы Валентиновны Логуновой из статьи «Онтологический статус прошлого»: «настоящее – это прошлое в своих результатах» [10, с. 279]. Такая онтологическая формулировка на наш взгляд как раз включает весь объём прошлой реальности в Настоящее, но реальность эта как бы сжата, преобразована в Настоящее. В нашем внутреннем опыте Настоящее – это непосредственное восприятие и претерпевание сущего, на которое мы смотрим. Все вещи, на которые мы смотрим, возникли в прошлом и такими, какими мы их видим они уже стали. Подчеркнём прошедшую форму глагола «стали». Психологически, Настоящее – это не только момент движения, это ещё и непосредственное созерцание и претерпевание сущего перед нами. Дорефлексивно реальность Настоящего дана нашему сознанию как ощущение движения.

Другой способ осознать Настоящее, дать себе отчёт о том, что в этот момент не грезишь о Будущем и не вспоминаешь то, что было – это восприятие того, что перед тобой и вокруг тебя. Взгляд на вещи, их непосредственное восприятие и претерпевание мы переживаем как Настоящее. «Сейчас я смотрю». «Сейчас я вижу и чувствую». В Настоящем мы воспринимаем не только становящееся, но и ставшее.

Эта онтологическая мысль удачно схвачена в метафоре: «настоящее как диагноз сложившегося положения дел» [18, с. 117]. Получается, что положение дел уже сложилось на протяжении всего Прошлого их течения и мы имеем это сложившееся положение дел на настоящий момент, как поле нашей деятельности и принятия решений. В своей обыденности мы часто говорим: «посмотрим, что мы имеем на настоящий момент» и начинаем обзирать и перебирать всё то, что уже стало таковым в Прошлом. Так прошлая реальность оказывается содержанием Настоящего.

Единство Прошлого, Настоящего и Будущего обосновывается и в феноменологической онтологии Сартра. Три модуса времени следует рассматривать не как собрание, которое должно составить сумму, но как структурированные моменты первоначального синтеза, в котором целостность доминирует над модусами и придаёт им значение [17, с. 201]. В таком понимании «именно настоящее является своим прошлым» [17, с. 209]. Будущее же – это я, чувствующий себя сейчас как недостаток самого себя и проектирующий себя к восполнению этого недостатка. Прошлое всегда есть Прошлое какого-то объекта, сущего в Настоящем, именно Настоящее имеет своё Прошлое. Иметь можно только то, что есть, значит, Прошлое есть. Такое «имение» является формой существования Прошлого в Настоящем.

Концепция «сдвигающегося постоянного Настоящего» как альтернатива концепциям интервала и бездлительного Настоящего

В нашей жизни ещё до всякого теоретизирования дано и ещё одно дорефлексивное понимание и переживание Настоящего, ещё одна безоговорочно принимаемая за истину интуиция постоянного Настоящего, в котором мы «всё время находимся». И когда мы слишком сильно погружены в воспоминания или мечты, когда мы блуждающим в иных мирах умом рассеяны и ведём себя неадекватно, нам советуют жить в «отсеке Настоящего». Настоящее – это плот, на котором мы плывём по реке времени, переживая постоянное движение и созерцая берега этой реки, наблюдая и вспоминая картины, остающиеся позади и всматриваясь вперёд. Если так неотвязно и так всеобщее такое переживание, то возможно оно верно

отражает реальный мир и его стоит исследовать онтологически. Тем более что мы находим неудовлетворительными концепции как бездлительного Настоящего, так и представление о нём как об интервале – продолжающемся отрезке времени.

Ещё Августин Блаженный утверждал, что реально существует только Настоящее. Он писал, что «неправильно говорить о существовании трёх времён: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [1, с. 300]. Пусть субъективно это так, но и объективистское понимание времени, в котором оно признаётся объективно существующим независимо от нашего сознания феноменом, даёт обоснование интуитивному представлению о вечном непрерывном Настоящем. Наиболее, пожалуй, ясную объективистскую интерпретацию природы времени и интересующего нас модуса предлагает динамическая концепция времени, согласно которой «реально существуют только события настоящего времени» [13, с. 5]. Время течёт, порожаемое событиями, происходящими в природе и обществе. Если использовать знаменитую метафору «течения времени», то стоит разобраться, что мы под ней понимаем.

В современной темпоралистике всё чаще звучит тезис о метафоричности понятия «течение времени». И традиционное понимание этой метафоры, согласно которому время течёт от прошлого, через настоящее в будущее, не способствует адекватному уяснению происходящего в реальности. Говоря о течении времени, стоит думать не о течении от Прошлого, через Настоящее в Будущее, а полагать, что «время течёт от одного настоящего к другому» [15, с. 12]. В статье 2020 года Александр Андреевич Крушанов пишет об «отсутствии самого феномена течения времени» [9, с. 94]. В его интерпретации время «не течёт. А данный сложившийся образ времени лишь своеобразно выражает и преломляет динамику самой реальности» [9, с. 94]. То есть на самом деле происходит движение материи, идут процессы изменения материального мира. А «течение времени» – это пространственное увеличение очерёдности сменяющих друг друга состояний материи. Это не течение какой-либо субстанции и не пространственное перемещение моментов [15, с. 13]. В этой пространственной очерёдности Настоящее – это всегда самое последнее состояние мира. В трактовке Николая Андреевича Попова «движущийся объект не двигается и не по-

коится в настоящем, а «двигает» настоящее, существуя-взаимодействуя в нём» с другими объектами и тем самым превращая одно «лицо» Настоящего в другое [15, с. 14]. Изменение объекта как бы «перемещает» Настоящее «вперёд» (непространственно перемещает) в смысле увеличения очерёдности в смене состояний, как бы меняя порядковое «место» Настоящего, «ставя его на передний край этой очереди». Стоит попросить извинения за такое обилие метафорических выражений в кавычках, но ранее уже упоминалось, что одна из трудностей осмысления Настоящего заключается в отсутствии приемлемых и адекватных языковых средств для этого. На наш взгляд, трактовка, предложенная Н. А. Поповым, адекватнее описывает и объясняет нашу обыденную интуицию «вечного Настоящего» – нашего постоянного нахождения «в Настоящем». Эта трактовка заменяет трактовку Дж. Мида, по которой «одно Настоящее переходит в другое» [24]. Когда мы полагаем, что движение объекта «двигает Настоящее, перемещает его» на самое крайнее место во временной очереди состояний мира, нам понятно, что изменяющийся объект при этом не уходит в Прошлое и не оказывается в Будущем, как будто в некоторых локусах бытия, он так всецело и остаётся в Настоящем и получается, что «всё, что существует, существует в настоящем, являясь его содержанием» [15, с. 15]. Психологически Настоящее переживается нами как постоянное пребывание, «здесь-бытие», что и отмечал ещё Блаженный Августин, считая, что вечно существует только Настоящее. В «Прошлое уходят» не вещи, а состояния этих вещей и всего мира в целом, и состояния эти не длятся, а длятся – продолжается их смена и рождающаяся в этом очерёдность, называемая временем – невидимая цепь, звенья которой не сосуществуют одновременно, а всегда существует лишь самое последнее звено, называемое Настоящим. Представляется, что такая трактовка вечно продолжающегося постоянного Настоящего, данная Н. А. Поповым, удовлетворительно разрешает противоречие представлений о сущности Настоящего, в которых оно представлялось то покоем, то, наоборот, движением. И думая так, мы избавлены от мистических допущений о существовании некой субстанции времени или об одновременном существовании онтически одинаковых и не замещающих друг друга Прошлого, Настоящего и Будущего. При этом такая трактовка позволяет принять мысль о сохранении Прошлого в Настоящем в том смысле, что прошлая реальность не исчезает, а преобразуется в Настоящее, оказывается Настоящим для того сознания, которое воспринимает этот реальный мир и в том смысле, что Настоящее, как самое последнее

состояние мира – это *сложившееся* положение дел. Как вечно продолжающееся Настоящее, в котором мы «всё время пребываем», зачастую расценивается как онтологически и психологически первичный модус времени. П. Н. Хмылёв писал, что «Современность – та основа, от которой идёт отсчёт прошлого и будущего. Собственно, прошлое и будущее реально существуют внутри современности как её элементы» [23, с. 194]. Будущее же в Настоящем – это формируемый, обосновываемый и поддерживаемый в настоящий момент проект дальнейших действий и развития событий, проект, определяемый всем прошлым опытом, прошлыми состояниями, переживаниями и событиями.

Заключение

Таким образом, онтологическими основаниями мысли о существовании в Настоящем, преодолевающими противоречивую дихотомию бездлительного и представляемого продолжающимся интервалом Настоящего, оказываются объективистская динамическая концепция времени, модифицированная

представлением о том, что длится не застывшее и таким образом самотождественное Настоящее, как некоторое самое последнее состояние вещи и мира в целом, а сам процесс смены их состояний. Сущее не покоится или двигается в Настоящем, а «двигает» Настоящее, удлиняя поток времени. Модифицированная такими положениями концепция дополнена ранее отвергаемыми ею тезисами о существовании Прошлого и Будущего в Настоящем, ведь Настоящее своей природой не только разделяет Прошлое и Будущее, но и связывает их, и Настоящее в своей сущности – это не только движение, не только изменение, но и сложившееся в Прошлом новое положение дел, т. е. состояние мира, имеющееся (а не утраченное) на момент его определения и схватывания сознанием. Подводя итоги предпринятого здесь рассмотрения, стоит предложить в качестве проблем и направлений последующих исследований онтологическое прояснение форм и способов взаимопроникновения реальности трёх временных модусов и проработку вопроса статуса Настоящего в рамках концепции множественности времён.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус – 2011. – 400 с.
2. Апинян Т. А. Устранённое время или три модуса мифа // Модусы времени: социально-философский анализ: сборник статей / отв. ред. И. В. Кузин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – С. 121–130.
3. Аристотель Метафизика. – М.: Эксмо. – 2015. – 442 с.
4. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция. – 2006. – 464 с.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. / Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический Проект. – 2009. – 489 с.
6. Гуц А. К. Реальность прошлого: эмпирические и онтологические доказательства // Математические структуры и моделирование. – 2022. – № 4 (64). – С. 29–43. – <https://doi.org/10.24147/2222-8772.2022.4.29-43> – EDN: DBAWRF.
7. Зима В. Н. Метафизика времени // Наука и школа. – 2012. – № 6. – С. 115–119. – EDN: PУСХКZ.
8. Йордхайм Х. Множественное время и стратиграфии истории // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 95–118.
9. Крушанов А. А. Течет ли время? // Вестник Российского философского общества. – 2020. – № 3–4 (93–94). – С. 91–103. – EDN: HNCXPU.
10. Логунова Л. В. Онтологический статус прошлого // Вестник КРАСГАУ. – 2007. – № 2. – С. 278–282. – EDN: HZCCWB.
11. Люббе Г. В ногу со временем: сокращённое пребывание в настоящем. / Пер. с нем. под науч. ред. Виталия Куренного. – М.: НИУ ВШЭ. – 2016. – 456 с.
12. Мид Дж. Г. Философия Настоящего. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014. – 272 с.
13. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – М.: Наука. – 1977. – 192 с.
14. Пигров К. С. Современность: время инновации и настоящее // Модусы времени: социально-философский анализ: сборник статей / отв. ред. И. В. Кузин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – С. 152–167.
15. Попов Н. А. Сущность времени и относительности. – М.: ЛИБРОКОМ. – 2013. – 320 с.
16. Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. – М.: Политиздат. – 1982. – 303 с.
17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ: Астрель. – 2012. – 925 с.
18. Сыров В. Н., Агафонова Е. В. Концепция множественности времён как эпистемологический вектор в отношении трактовок прошлого и настоящего // Социология власти. – 2022. – Т. 34. – № 1. – С. 95–123. –

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-95-123> – EDN: VAQILG.

19. Табачков А. С. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого. – Минск: РИВШ. – 2009. – 242 с.
20. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: Едиториал УРСС. – 2010. – 400 с.
21. Федчук Д. А. Вопрос о времени: об онтологической первичности настоящего перед прошлым и будущим / Вестник СПбГУ. – Сер. 17. – 2016. – Вып. 3. – С. 73–82.
22. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. – М.: Прогресс-Традиция. 2011. – 328 с.
23. Хмылёв П. Н. Прошлое и будущее как элементы современности в историческом процессе // Модусы времени: социально-философский анализ: сборник статей /отв. ред. И. В. Кузин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С. 194–202.
24. Mead G. H. (1929) The Nature of the Past In *John Coss (ed.), Essays in Honor of John Dewey New York: Henry Holt & Co.* – pp. 235–242. Available at: https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/papers/Mead_1929d.html (accessed: 09.08.2019).
25. Oaklander L. N. (2004) The Ontology of Time. *Amherst, N. Y.: Prometheus Books.* – 366 p.

References

1. Avgustin Avrelij (2011) *Ispoved'* [Confession]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 400 p.
2. Apinyan, T. A. (2005) [Eliminated time or three modes of myth]. *Modusy vremeni: social'no-filosofskij analiz* [Modes of time: socio-philosophical analysis: collection of articles]. St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 229 p. (In Russ.).
3. Aristotle (2015) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo, 448 p.
4. Gaidenko, P. P. (2007) *Vremya. Ditel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow: Progress-Tradition, 464 p.
5. Gusserl', E. (2009) *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book One]. M.: Academic Project, 489 p.
6. Guc, A. K. (2022) [Reality of the past: Empirical and ontological evidence]. *Matematicheskie struktury i modelirovanie* [Mathematical structures and modeling]. Vol. 4 (64), pp. 29–43. (In Russ.).
7. Zima, V. N. (2012) [Metaphysics of time]. *Nauka i shkola* [Science and school]. Vol.6, pp. 115–119. (In Russ.).
8. Jordhajm, H. (2021) [Multiple time and stratigraphies of history]. *Logos* [Logos]. Vol. 31, Vol. 4, pp. 95–118. (In Russ.).
9. Krushanov, A. A. (2020) [Is time flowing?]. *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian Philosophy Association]. Vol. 3–4 (93–94), pp. 91–103. – EDN: HNCXPU. (In Russ.).
10. Logunova, L. V. (2007) [Ontological status of the past]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of KRASGAU]. Vol. 2, pp. 278–282. (In Russ.).
11. Lyubbe, G. (2016) *V nogu so vremenem: sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem* [Keeping Up with the Times: An Abridged Stay in the Present]. M.: National Research University Higher School of Economics, 456 p.
12. Mid, Dzh. G. (2014) *Filosofiya Nastoyashchego* [Philosophy of the Present] – M.: Publishing house. house of the Higher School of Economics, 272 p.
13. Molchanov, Yu. B. (1977) *Chetyre koncepcii vremeni v filosofii i fizike* [Four concepts of time in philosophy and physics]. Moscow: Science, 192 p.
14. Pigrov, K. S. (2005) [Modernity: A Time for Innovation and the Present]. *Modusy vremeni: social'no-filosofskij analiz* [Modes of time: social and philosophical analysis]. St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 229 p. (In Russ.).
15. Popov, N. A. (2013) *Sushchnost' vremeni i otnositel'nosti* [Essence of time and relativity]. Moscow: LIBROCOM, 320 p.
16. Rakitov, A. I. (1982) *Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskij podhod* [Historical knowledge: a system-gnoseological approach]. Moscow: Politizdat, 301 p.
17. Sartr, Zh.-P. (2012) *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing. Experience in phenomenological ontology]. Moscow: AST: Astrel', 925 p.
18. Syrov, V. N., Agafonova, E. V. (2022) [The concept of multiplicity of times as an epistemological vector in relation to interpretations of the past and present]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. Vol. 34. No. 1, pp. 95–123. (In Russ.).

19. Tabachkov, A. S. (2009) *Metateoreticheskaya reprezentaciya istoricheskogo proshlogo* [The Metatheoretic representation of the historical past]. Minsk: RIVSH, 242 p.
20. Whitrow, J. (2010) *Estestvennaya filosofiya vremeni* [The Natural philosophy of time]. Moscow: Yeditorial URSS, 400 p.
21. Fedchuk, D. A. (2016) [Question of time: about the ontological primacy of the present before the past and the future]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. Vol. 17. No. 3, pp. 73–82. (In Russ.).
22. Khasanov, I. A. (2011) *Vremya kak ob"ektivno-sub"ektivnyj fenomen: Slovar'* [Time as an objective subjective phenomenon: Dictionary]. Moscow: Progress-Tradition, 328 p.
23. Hmylyov, P. N. (2005) [Past and future as elements of modernity in the historical process]. *Modusy vremeni: social'no-filosofskij analiz* [Modes of time: social and philosophical analysis: collection of articles]. St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 229 p. (In Russ.).
24. Mead, G. H. (1929) *The Nature of the Past*. John Coss (ed.), *Essays in Honor of John Dewey* New York: Henry Holt & Co, pp. 235–242. Available at: https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/papers/Mead_1929d.html (accessed: 09.08.2019). (In Eng.).
25. Oaklander, L. N. (2004) *The Ontology of Time*. Amherst, N. Y.: Prometheus Books, 336 p.

Информация об авторе:

Дмитрий Александрович Щербаков, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

ORCID ID: 0009-0008-9741-8345

e-mail: am720@ya.ru

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023; принята в печать: 29.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitrii Aleksandrovich Shcherbakov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

ORCID ID: 0009-0008-9741-8345

e-mail: am720@ya.ru

The paper was submitted: 30.09.2023.

Accepted for publication: 29.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.